

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 330.341.2 + 338.24.021.8

JEL: E02, E70, O17, O43, P26, P37

Ярослав Жалило

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА КАК "ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОВУШКА" НА ПУТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Проанализированы институциональные аспекты становления и развития теневой экономики в Украине. Показан генезис тенизации – от ответвления институционально плюралистической системы – к устойчивой "институциональной ловушке". Доказана определяющая роль в формировании теневой экономики образования и распределения переходной ренты, которая возникает, когда преобразования институтов перераспределения существенно опережают построение институтов обеспечения структурной мобильности экономики. Показаны системные последствия тенизации в макроэкономической сфере, которые заключаются в снижении действенности политики экономической модернизации и усилении рисков побочных эффектов от применения стандартных инструментов. Возникает феномен резистентности по реформам значительных групп общества. Оппортунистическое поведение субъектов размывает выгоды рыночной модели, а институциональная недостаточность деформирует функции субъектов в экономической системе, что вызывает её общую дисфункциональность и "замораживает" переходное состояние. Детенизация в Украине рассматривается автором как выход из "институциональной ловушки" на основе укрепления институционального обеспечения структурной адаптации экономики, которая должна сворачивать возможности получения переходной ренты и создавать условия для её конвертации в справедливо распределённый легальный факторный доход. Автор доказывает, что на основе сетевой экономики, Промышленности 4.0 и их интеграции в традиционных секторов экономики формируются новые экономические элиты, заинтересованные в прозрачной экономической деятельности. Одновременно растёт число субъектов, получающих негативные экстерналии от пребывания в теневом сегменте экономики. Поэтому происходит разблокировка "институциональной ловушки" тенизации и нарастания "критической массы" субъектов, потенциально заинтересованных в её преодолении.

Ключевые слова: теневая экономика, институциональная ловушка, институциональная конкуренция, детенизация экономики, экономическая модернизация

Проблема высокого уровня тенизации экономики Украины уже не первый год закономерно находится в центре внимания не только

Жалило Ярослав Анатольевич (zhalilo@ief.org.ua), orcid.org/0000-0002-8825-2880, д-р экон. наук, старш. науч. сотруд.; ведущий научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины"; сфера научных интересов: экономическая политика, экономическая стратегия, институциональная экономика, реформы в переходных экономиках.

© Я.Жалило, 2018

политиков и средств массовой информации, но и учёных. Дискуссии в основном идут вокруг прикладных аспектов этой проблемы: совершенствования количественных оценок уровня тенизации (что представляется важным значительной части проправительственного экспертного сообщества, поскольку позволяет рассуждать на темы изменения уровней тенизации в ходе реформ), а также механизмов детенизации (в широком спектре – от амнистии теневых капиталов – к дерегуляции и снижению налоговой нагрузки).

Однако продуктивность таких дискуссий является очевидно недостаточной. Ограничиваясь рефлексивно-симптоматической сферой, они не углубляют понимания сущности процессов тенизации в Украине, которые продолжают эволюционировать. В частности, не объясняют тот феномен, что теневая экономика вместе с коррупцией оказались самыми живучими институтами в периоды всех последних кризисов в Украине, включая жёсткий институциональный кризис, прошедший фазу революционного слома 2014 года. И сегодня эти институты в значительной степени продолжают диктовать формат посткризисного воспроизводства экономики Украины, а путём воссоздания механизмов коррупции – и общественно-политической сферы.

Между тем в условиях изменений, которые сейчас происходят в обществе в глобальном, национальном и региональном измерениях, усиливаются риски, которые создаёт теневая экономика, и прежде всего – для надлежащего развития процесса экономической модернизации. Поэтому исследования проблем тенизации должны быть существенно углублены, в первую очередь – в направлении лучшего понимания её институциональной сущности.

Отметим, что рядом отечественных учёных был успешно применены институциональные подходы к проблемам тенизации. В частности, институциональные факторы становления теневых экономических отношений в историческом ракурсе и в сравнении с мировым опытом рассмотрены В.Предборским (2005). В.Мандыбура (2017), Н.Фомин (2014) устанавливают институциональные механизмы взаимодействия процессов тенизации и укоренения коррупции. Ряд специалистов, в частности З.Варналий (2006), С.Корецкая (2011), П.Ещенко (2017), констатируют наличие устоявшихся "параллельных" институциональных механизмов, обеспечивающих постоянство функционирования теневой составляющей национальной экономики. Вопросам институциональной недостаточности как предпосылки упрочения тенизации значительное внимание уделяет А.Гальчинский (2001).

Институциональные подходы к проблемам тенизации применяются также зарубежными исследователями, что свидетельствует об универсальности проблемы тенизации в глобальном масштабе. В частности, стоит упомянуть фундаментальное монографическое исследование F.Schneider и C.C. Williams (2013), в котором рассмотрен комплекс факторов формирования теневой экономики (в том числе первенство отдаётся налоговой нагрузке и добросовестности налогоплательщиков) и отстаивается необходимость эволюционных подходов

к детенизации по причине её институциональной укоренённости. L.Burroni и C.Crouch (2008) доказывают значительную социально-институциональную укоренённость теневой экономики на основе исследований территориального измерения тенизации.

С нашей точки зрения, целесообразно дальнейшее развитие институционального направления исследования проблем тенизации в направлении углубления понимания генезиса этого института в Украине, а на основе этого – выявление приоритетов институциональной коррекции, которая способствовала бы реальной действенности политики детенизации, осуществляемой в рамках модернизационных стратегий для украинской экономики.

Генезис и институциональные измерения тенизации украинской экономики

Старт активной тенизации экономических процессов в Украине следует относить к периоду резких институциональных изменений, которые происходили в ходе развёртывания экономической либерализации первой половины 90-х годов XX века. Этому периоду было свойственно опережающее внедрение либеральных институтов перераспределения – либерализация ценообразования, внедрение частного предпринимательства, либерализация внешней торговли. Однако формирование институтов обеспечения структурной мобильности экономики (среди которых – институты инвестиционного финансирования, национальная инновационная система, институты противодействия рискам, институты бизнес-стратегирования и др.), как более сложный процесс, обеспечено не было. Последствиями стали потеря структурной адаптивности национальной экономики, накопление избыточной структурной инертности, а затем – отставание структурных сдвигов экономики от институциональных изменений.

Различие в скоростях и векторах институциональных и структурных изменений создало благоприятную возможность для формирования переходной ренты – дохода, возникающего в частном хозяйстве в результате неравновесия после либерализационных реформ (Полтерович, 1999. С. 27). Источником переходной ренты является продукт, который производится ресурсами национальной экономики, однако из-за имеющейся институциональной недостаточности не охватывается действующими институтами перераспределения, а значит, "приватизируется" субъектами, которые способны осуществлять оппортунистическое поведение, пользуясь асимметрией распределения экономической власти, которая, по Коузу, предоставляет им возможность деформировать в свою пользу распределение факторных результатов (Coase, 1988). Теневая экономика, по сути, компенсирует для общества структурную инертность национальной экономической системы, мотивируя за счёт переходной ренты использование факторов производства, которые "выпадают" из сферы регулирования "официальными" институтами.

Таким образом, в отличие от стабильных экономик, где источником тенизации является мотивация экономии на уровне налоговой нагрузки, исходя из институционально обусловленного уровня добросовестности налогоплательщика, в переходной экономике первичный толчок для формирования теневой экономики даёт переходная рента, возникающая в условиях институциональной недостаточности.

Динамизм институциональных изменений в первой половине 90-х годов XX века сочетался в Украине с их фрагментарностью, что привело к фрагментарности изменений институциональной системы. Владельцы ресурсов (а под ними как частными субъектами мы понимаем как представителей бизнеса, так и индивидуумов – "продавцов" собственной рабочей силы) сталкиваются с институциональной недостаточностью экономической системы, которая не может обеспечить надлежащий факторный доход. На этой почве государственная политика теряет свою эффективность как интегратор институционального пространства, поскольку пытается достигать необходимых системных целей в новых институциональных условиях устаревшими инструментами (например, попытки сбалансировать бюджет путём повышения налоговой нагрузки), а иногда – и непосредственно подчиняется групповым корпоративным интересам. В обоих случаях действия государства воспринимаются другими частными субъектами как прямая угроза их интересам. Теряется заинтересованность частных субъектов в обеспечении стабильной экономико-правовой среды, их поведение секуляризируется, смещаясь в сферу неформальных институциональных регуляторов, то есть тенизации.

В. Предборский (2005. С. 96) оценивает этот процесс как развитие противостояния периферийных звеньев системы управления экономической деятельностью, представленных экономическими субъектами, централизованному влиянию, и консолидацию этого противостояния в теневую экономику как систему противодействия механизма государственного экономического управления. Теневая экономика выступает в роли компенсатора функциональной недостаточности системы управления экономикой, что, по оценкам исследователей, "является своеобразным "естественным" механизмом адаптации экономической системы к ущербной финансово-экономической политике государства, которая позволяет исправлять определённые недостатки и неточности существующей модели экономических отношений... играет роль "подушки безопасности" для предпринимателей и населения" (Вашків, Пода, 2010. С. 104).

На начальных этапах институциональной недостаточности тенизация как институт распределения переходной ренты является одним из ответвлений институционально плюралистической системы, в рамках которой происходит описанная С.Пейовичем (*Pejovich*, 1996) конкуренция институтов. В рамках "рынка институтов" в институционально нестабильной системе экономические субъекты выбирают оптимальные для себя нормы и правила, руководствуясь ожиданиями успеха в использовании принадлежащих им факторов производства

(Kerber, Vanberg, 1995. С. 39). Следовательно, можно утверждать, что в случае отсутствия необходимых направленности и последовательности изменения "официальных" институтов, иллегальные институты выигрывают конкуренцию в выполнении функций оптимизации транзакционных издержек, связанных с получением частными субъектами факторных доходов. Поэтому в дальнейшем присущий начальному этапу институциональной трансформации институциональный плюрализм (описанный Д.Нортом как "множественное институциональное равновесие" (1997. С. 122)) эволюционирует к закреплению определённого комплекса институциональных отношений. Анализируя состояние теневого сектора в развитых странах, F. Schneider и С.С. Williams (2013. С. 487) констатируют, что он опирается на неформальные, но очень эффективные средства управления и санкции, которые обеспечивают транзакции. Причём, не будучи контролируемым законом, этот сектор жёстко регулируется общественными механизмами, обеспечивающими его воспроизведение во времени.

Относительно факторов, способствующих превращению институционального плюрализма в институциональную устойчивость, продуктивными представляются подходы российских исследователей, которые более прочих столкнулись с феноменом институциональной ригидизации (хотя, в отличие от украинского "сценария", в России проблема институциональной недостаточности нашла главный выход не в тенизации, а в огосударствлении экономики). Причину институционального упрочения российские исследователи видят в действии макроэкономических факторов. В частности, О. Сухарев (2014. С. 35) рассматривает монетарное измерение построения институтов. По его мнению, создание новых институтов расширяет сферу денежного обращения, а, следовательно, должно соответствующим образом отражаться в объёмах и структуре денежного предложения. Вместо этого, доказывает он, если экономическая политика провоцирует создание новых институтов, однако в то же время сокращает денежную массу в экономике или тормозит скорость оборота денег, нехватка финансового обеспечения для эффективной работы вновь образованных, а также "старых" институтов приводит к деградации ("схлопыванию") их качественных параметров. Поэтому институциональное совершенствование, которое расширяет пространство для денежного обращения, не может совпадать по времени с рестриктивной монетарной политикой, а новые институты не должны наносить ущерб монетарному обеспечению "старых" форм экономической организации, поскольку каждый из институтов имеет определённый "монетарный диапазон", в пределах которого он сохраняет эффективность и за пределы которого не должен выходить (Sukharev, 2005).

В случае выхода из "монетарного диапазона" возникает ситуация институциональной макродисфункции, которая трактуется как такое динамическое состояние хозяйственной системы, при котором основные параметры институтов этой системы страдают от потери качества и/или происходит их количественное сокращение. Причём

сочетание снижения функциональной эффективности ряда институтов самоусиливается, и частные институциональные изменения уже не способны преодолеть общей дисфункции (Сухарев, 2014. С. 32).

Нетрудно заметить, что институты обеспечения структурной мобильности, которые предусматривают осложнение финансовых инструментов и механизмов и должны за счёт этого уменьшать скорость обращения денег, едва ли не сильнее всех страдают от монетарной депривации. Политика жёстких монетарных рестрикций и фискального сжатия, которая проводилась в Украине так же, как и в России в середине и второй половине 90-х годов XX века, практически сняла с повестки дня формирование таких институтов, что привело к консервации институциональной недостаточности. Следовательно, можно констатировать, что в Украине теневая экономика как одна из "ветвей" институциональной множественности, возникшей на старте институциональных сдвигов начала 90-х, приобрела вид устойчивой институциональной патологии именно во второй половине 90-х, когда приоритеты макроэкономической стабилизации обрели безусловное первенство над задачами продолжения структурных и институциональных преобразований.

Тенизация как институциональная ловушка и препятствие экономической модернизации

Снятие с повестки дня становления институтов обеспечения структурной мобильности превратило ситуацию институциональной дисфункциональности в Украине в долговременную. Дисфункциональные институты обусловили устойчивость состояния неадекватности институциональной системы структуре экономики, а значит, возможности получения переходной ренты. Такая институциональная дисфункция образует состояние локального институционального равновесия, которое достигается благодаря тому, что трансакционные издержки, которые несут субъекты, работая в теневом сегменте экономики, компенсируются возможностью получения переходной ренты, хотя сами по себе расходы могут превышать альтернативные издержки в случае функционирования в рамках общепринятых требований и норм "светлой" экономики. Зато движение системы к иному состоянию институционального равновесия привело бы к поглощению переходной ренты трансформационными издержками (Полтерович, 1999. С. 22). Поэтому упрочение теневой экономики как института деформирует "классическую" институциональную конкуренцию, главным предметом которой является сопоставление трансакционных издержек в рамках различных институциональных моделей поведения субъектов.

Специфичность факторов конкурентоспособности для устоявшихся дисфункциональных институтов констатирует О. Сухарев, отмечая, что в долгосрочном периоде эффективность института определяется уже не только соотношением трансакционных и трансформационных издержек, но и уровнем функциональности институциональной

системы (что математически исчисляется количеством функций, которые данная институциональная система способна выполнять для данного уровня расходов) (Сухарев, 2014. С. 37). Поэтому по мере переименования на себя теневыми институтами функций экономического управления значительной частью национальной экономики конкурентоспособность тенизации в институциональной конкуренции растёт.

Факторы упрочения тенизации как института, на основе которого сформировалось локальное институциональное равновесие, описал В. Полтерович. Он делает акцент на сформулированных Д. Нормом (ссылавшегося на Б. Артура) эффектах координации и обучения, сила которых напрямую зависит от продолжительности функционирования института. Эффект координации заключается в том, что, чем последовательнее общество следует определённой норме (т.е. чем больше людей придерживаются нормы), тем более затруднительным является отклонение от неё. Поэтому распространённость явлений тенизации делает всё более выгодным втягивание в её "орбиту" благодаря формированию сетевых взаимосвязей, в пределах которых (и только в пределах которых) происходит получение и потребление переходной ренты. Эффект обучения логически вытекает из эффекта координации и заключается в приоритетности развития поведенческих технологий (рутин), совершенствующих модель поведения, которой придерживается большинство в обществе. Если поведение тенизации преобладает, в первую очередь будут развиваться и распространяться именно методики, которые будут совершенствовать способы тенизации экономической деятельности (Полтерович, 1999).

В конце 90-х годов XX века тенизация в Украине приобретает свойства институциональной ловушки, описанной Д. Нормом в виде эффекта блокировки (lock-in effect) (1997. С. 122). Теория институциональных ловушек как устойчивых неэффективных институциональных норм, которые обладают свойством самоподдерживаться, получила широкое развитие в трудах В. Полтеровича (1999; 2004 и др.). Однако нам представляется продуктивным расширенное определение, которое дали украинские учёные Ю. Лысенко и Г. Стрижак. По их мнению, институциональная ловушка – это "стабильный неэффективный институт, сформированный асинхронностью институциональных изменений в условиях трансформации социально-экономических систем, гипертрофированностью отдельных форм поведенческих предпосылок экономических агентов на макроуровне, слабостью формальных институтов и механизмов инфорсмента" (Лысенко, Стрижак, 2014. С. 55). Ценность этого определения заключается в учёте факторов генезиса институциональной ловушки, которая рассматривается в контексте институциональной трансформации, то есть позволяет сравнивать трансакционные издержки, издержки институциональной трансформации и переходную ренту. Тем самым уточняется "классическое" определение "lock-in" Д. Норта, от которого отсекается технологически обусловленная составляющая (описанная, в частности, на примере QWERTY-эффекта), и институциональная ловушка выглядит именно как общественный феномен.

Увязывание институциональной ловушки с процессом системной трансформации позволяет увидеть, что достигнутая в её пределах эффективность локального равновесия существует только в коротком временном измерении и видоизменяет саму логику системной трансформации. Оппортунистическое поведение определённых субъектов и групп размывает выгоды рыночной модели экономической организации. Из-за превращения части факторного дохода в переходную ренту, которая изымается из процесса воспроизводства, снижается совокупная эффективность использования доступных ресурсов и ослабляется генетическая связь в экономике, которая обычно определяется институтами воспроизведения факторов производства. Институциональная недостаточность деформирует функции субъектов в экономической системе, что вызывает общую дисфункциональность системы, "замораживая" её переходное состояние.

В Украине затяжная институциональная дисфункциональность и, как следствие, отсутствие адаптивности обусловили ригидность структуры экономики и нарастание рисков постепенной потери её эффективности и конкурентоспособности в условиях роста внутренних и внешних вызовов. При таких условиях сохранение благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры на традиционных для Украины рынках побудило к поиску путей сохранения прибыльности производства без структурной модернизации. Эти пути были найдены в виде получения экспортоориентированными секторами дополнительных преференций в ценовой, тарифной налоговой и других сферах. На этой почве в начале 2000-х произошло сращивание крупного бизнеса с властью и становление экономического олигархата. Необходимость компенсации растущих транзакционных издержек в условиях институционального кризиса побудила большой бизнес к получению политической ренты через упрочение контактов с органами государственной власти. В Украине сформировался специфический вид социального капитала – "политический капитал", который создал основу для развития альтернативной государственной – "олигархической" иерархии отношений в национальной экономике. Именно в это время В. Предборский (2005. С. 239) диагностирует монополизацию в Украине "элитной экономикой" политических, административных и экономических функций государства.

Становление олигархических иерархий логично продолжает процесс общей дисфункции институциональной среды. Как доказано, естественная для институционального кризиса дисфункция механизмов связи субъектов экономики с контурами интересов общества ведёт к тому, что "элитный сектор" экономики становится мощным фактором тенизации (Предборский, 2005. С. 384). Поэтому для достижения недоступной в условиях усиления институционального кризиса предсказуемости взаимных действий значительная часть взаимоотношений бизнеса с государством переместилась в социальное пространство, центральное место в котором заняли неформальные коррупционные связи на высшем уровне, питание которых требует, и

одновременно генерирует, мощные теневые финансовые потоки. Соответственно, тенизация из компенсатора управленческой неэффективности и институциональной недостаточности начинает превращаться в самостоятельный фактор деформации национальной экономической структуры. Модифицируются институциональные отношения в теневом секторе хозяйства, получают распространение различные формы как "захвата государства" – то есть установление бизнес-структурами на высших уровнях власти теневого контроля за принятием решений в пользу своего бизнеса, так и "захвата бизнеса" – то есть обретение представителями органов власти различных уровней теневого контроля над бизнесом с целью получения коллективной или индивидуальной ренты (взятки, "отката" или другой формы участия в прибылях).

Финальный акт "драмы" становления тенизации как институциональной ловушки украинской экономики состоялся в период после глобального экономического кризиса 2008–2009 годов. Значительные структурные изменения, которые произошли в результате этого кризиса в глобальной экономике, ускорение развития Промышленности 4.0 как двигателя послекризисного восстановления и затяжная депрессия на традиционных ресурсных рынках сформировали конкурентные вызовы для украинской экономики, ответ на которые в условиях отсутствия институтов структурной адаптации был невозможен. Докризисный уровень экспорта достигнут не был, к тому же Российской Федерацией была развернута политика вытеснения украинских товаров с российских рынков. Невозможность реализации добытой олигархическими объединениями экономической власти путём получения политической ренты во внешнеэкономических отношениях обусловила их обращение к монополизации получения переходной ренты внутри страны путём смыкания олигархических иерархий с децентрализованными до сих пор элементами теневой экономики. Состоялась попытка передать теневой экономике и коррупции, которые пронизали практически все сферы социально-экономической системы, часть функций органов государственного управления (в т.ч. "законодательной", "исполнительной" и "судебной") (Ещенко, 2017), институционализированных в виде определённых коррупционно-криминальных иерархий. Расширение сферы институционального влияния тенизации даже подтолкнуло исследователей к введению в оборот термина "теневое парагосударство" – как "образование государственного типа макроэкономического уровня, в котором в результате высокого уровня коррупции и тенизации государственные услуги и общественные блага распределяются по рыночным принципам" (Корецька, 2011).

С нашей точки зрения, тезис о коррупционно-теневом конгломерате как квазигосударственном иерархизированном образовании, параллельном "официальному" государству, является весьма сомнительным именно из-за отсутствия всеохватности его влияния: ведь экономическая власть теневого сектора может распространяться только на сегмент общества, задействованный в теневых экономи-

ческих отношениях. Поэтому попытка достичь масштабности влияния этого конгломерата закономерно завершилась крахом и разрушением коррупционно-властной иерархии именно из-за ограниченности её власти над широкими слоями общества, которые и стали основой общественного сопротивления.

Теневые экономические отношения больше подпадают под критерии сетевых – и именно сети с присущим им разнообразием механизмов координации являются, по нашему мнению, главным фактором жизнеспособности тенизации в условиях институциональных пертурбаций. Сохранение описанных выше институциональных факторов тенизации создаёт благоприятные условия для постоянного воспроизводства теневого сектора экономики. При этом существование этих факторов является питательной средой для построения коррупционно-теневых иерархий, которые, впрочем, являются значительно менее укоренившимися, чем теневые сетевые экономические отношения.

Характер тенизации как институциональной ловушки заключается в том, что развитие коррупции и теневой экономики как объективное следствие диспропорции институциональных изменений в начале реформ в дальнейшем становится фактором снижения эффективности политики реформ, которая должна достичь необходимых институциональных изменений и преодоления институциональной основы тенизации. Тенизация как институциональная ловушка обуславливает неизменность определённых моделей поведения экономических субъектов – получателей переходной ренты, не только отличающихся от "классических" моделей поведения, на которые рассчитан традиционный инструментарий экономической политики государства, но и выглядящих с позиций "мейнстрима" как откровенно иррациональные. Возникает феномен резистентности к реформам значительных групп общества.

Таким образом, тенизация снижает действенность экономической политики государства, как следствие – формируются вторичные последствия, которые придают институциональной ловушке тенизации макроэкономическую укоренённость. Среди основных системных последствий тенизации в макроэкономической сфере необходимо выделить следующие:

- потеря действенности рычагов денежно-кредитной политики из-за значительного объёма оборотов гривневой и валютной массы, обслуживающей теневые обороты и не подпадающей, таким образом, под регулирование средствами банковской системы. Усиливается вероятность завышения жесткости монетарной политики и теряется способность государства применять неконвенционные монетарные стимуляторы;

- занижение налоговых поступлений, расточительство дефицитных бюджетных ресурсов. Поэтому вынужденно сохраняется высокий уровень налогообложения для "легального" сектора экономики, а возможность эффективного применения фискальных регуляторов

резко сужается из-за попытки увеличить налоговые поступления на основе максимального упрощения налоговой системы;

- снижение нормы накопления и потеря части инвестиционного потенциала из-за утечки части факторного дохода из процесса общественного воспроизводства. "Теневые" предприниматели также не могут получить доступ к ссудному капиталу и участвовать в программах поддержки бизнеса (Evans, Syrett & Williams, 2006; Gallin, 2001). Это препятствует необходимым структурным изменениям, причем, прежде всего, в сферах, в которых генерируется переходная рента, то есть которые в первую очередь нуждаются в модернизации;

- значительные потоки скрытого оттока капитала из национальной экономики, которые лишь частично возвращаются в воспроизводственный процесс под видом иностранных инвестиций. Формируется дополнительное давление на платёжный баланс, особенно усиливающееся в периоды обострения институциональной нестабильности, увеличивающие риск для устоявшихся теневых взаимоотношений. Долгосрочный тренд недооценки национальной валюты уменьшает капитализацию национальных компаний, завышает стоимость импорта, что особенно чувствительно для Украины из-за её высокой импортозависимости;

- институциональная незавершённость новых индустрий (например, IT-отрасли), которые в значительной степени функционируют в "тени" из-за неготовности институциональной системы к адаптации к новым видам воспроизведения (уже укоренившийся "теневой" сектор быстро абсорбирует новые сферы, в которых возникает переходная рента). В результате национальная экономика теряет значительную часть сверхприбыли, которую получает инновационное производство на этапе развития;

- деформация функций потребительского рынка в связи с тем, что покупатели товаров, производимых/реализуемых теневым сектором, не имеют практически никаких гарантий их качества, соответствия и безопасности (Schneider & Williams, 2013. С. 106). Разрушаются предпосылки добросовестной конкуренции на внутреннем рынке, растут техногенные риски для здоровья и окружающей среды;

- распространённость теневой занятости и изъятие значительной части национального трудового потенциала из сферы действия нормативно-правового регулирования трудовых отношений. Это деформирует функции рынка труда, ухудшает условия воспроизводства трудового потенциала, закладывает дополнительные предпосылки конфликта между трудом и капиталом.

Итак, как видно из изложенного выше, вторичные макроэкономические эффекты от существования институциональной ловушки тенезации существенно усиливают "стоимость" этой ловушки для общества. Тенизация инструментально разоружает государственную политику и формирует значительные риски побочных эффектов от применения стандартных инструментов. Это важно в условиях критических вызовов для Украины относительно модернизации экономики и обще-

ства, диктуемых ростом конкуренции на рынках товаров и капиталов, миграционных трендов, наличия значительных модернизационных обязательств в рамках Соглашения об ассоциации, необходимости обеспечения платежеспособности перед внешними кредиторами. Таким образом, тенизация как институциональная ловушка, смягчая краткосрочные последствия институциональных диспропорций, одновременно в средне- и долгосрочном периодах препятствует обеспечению процесса экономической модернизации. Между тем, именно благоприятность для долгосрочного экономического роста Д. Норт (1997. С. 119–120) рассматривает в качестве основного критерия "эволюционного отбора" эффективных институтов. А. Сухарев (2014. С. 35) также рассматривает как противоположность институциональной дисфункции адаптивную эффективность (способность системы к управляемым изменениям), характеризующую эффективность действия институциональных норм во времени.

Институциональные механизмы преодоления тенизации

В условиях Украины результативность модернизационной стратегии государства в значительной степени будет зависеть от успехов в привлечении к легальному обороту теневого капитала. Детенизация будет способствовать повышению действенности экономической политики государства, внедрению взаимного доверия и укреплению партнёрства населения, бизнеса и государства, позволит вовлечь в хозяйственный оборот значительные финансовые ресурсы, снизить непроизводительные затраты субъектов хозяйствования, бюджета и населения.

Между тем потенциал принудительной детенизации, сформировавшийся в результате упорядочения налогового администрирования, распределения бюджетных расходов, мер финансового контроля и т.д., постепенно исчерпывается. В современных условиях санкции (то есть искусственное увеличение транзакционных издержек сохранения теневой организации бизнеса) будут вести скорее к оттоку капитала из страны, чем к его детенизации. Ограниченная эффективность "силовых" средств детенизации является не только украинским феноменом. Так, L. Burroni и C. Crouch (2008) предостерегают, что подавление теневой экономики может лишить фирмы, индивидов и целые территории единственно действенного управленческого механизма, поддерживающего экономическую активность, что особенно существенно для стран и территорий с неэффективной или коррумпированной публичной властью, которая не способна обеспечивать институциональную инфраструктуру, что жизненно важно для рыночного успеха фирм. Поэтому специалисты рекомендуют применение пошаговых проактивных стратегий, институционально укрепляющих роль местных экономических субъектов и местных властей, усиливающих институциональное доверие.

Иногда обеспечение детенизации, хотя и рассматривается как комплекс ненасильственных институциональных изменений, сводится к снижению налоговой нагрузки, повышению эффективности сбора

налогов и укреплению налоговой культуры плательщиков (*Schneider & Williams, 2013*). Между тем, как отмечает В.Полтерович, увеличение расходов на укрепление системы сбора налогов вызывает только рост издержек в системе ухода от налогов. Не даёт результата и ослабление налоговой нагрузки: кто не платил налоги, платить их автоматически не начнут, поскольку уплата налогов связана с "высветлением" бизнеса, который с этих пор подпадает под "стандартные" транзакционные издержки (*Полтерович, 1999. С. 18*).

Через описанную выше институциональную укоренённость в дальнейшем детенизация должна рассматриваться в Украине именно как выход из "институциональной ловушки", который требует целенаправленного системного изменения целого комплекса институтов, что может быть предметом только стратегического воздействия. Иными словами, стратегия модернизации как институциональная система должна победить в конкуренции с коррупционно-тенизационной моделью отношений в обеспечении оптимальных условий воспроизводства экономических субъектов. Применяя понятие "трансформационные издержки" как расходы на изменение модели институциональных отношений (расходы институциональной трансформации), В.Полтерович устанавливает, что "агенты выберут переход к эффективной норме, если сумма соответствующих ей приведённых транзакционных издержек и трансформационных издержек перехода окажется меньше приведённых транзакционных издержек функционирования в рамках действующей неэффективной нормы" (2004. С. 8). При этом транзакционные издержки, влияющие на результат институциональной конкуренции, значительно шире, чем стоимость налоговых отчислений.

Величина издержек институциональной трансформации определяется целенаправленной государственной политикой детенизации. К сожалению, в последнее время в Украине такая политика ограничивается преимущественно репрессивными мерами и усилением государственного фискального контроля, которые фактически не влияют на трансформационные издержки. Вместе с тем следует понимать, что значительная политическая турбулентность в Украине последних лет существенно снижает ожидаемую эффективность возможной амнистии теневого капитала, которая в первую очередь нуждается в устойчивом доверии к государству, уверенности в неизменности его политического курса и выполнении взятых на себя обязательств.

Преодоление в институциональной конкуренции тенизационной модели осложняется наличием дополнительного компенсатора транзакционных издержек в виде переходной ренты. Следовательно, институциональные изменения, ориентированные на детенизацию, в первую очередь должны быть сконцентрированы на укреплении институционального обеспечения структурной адаптации экономики, которая должна, с одной стороны, сворачивать возможности получения переходной ренты, с другой – создавать условия для конвертации утрачен-

ной экономическими субъектами оппортунистической переходной ренты в справедливо распределённый легальный факторный доход¹.

Между тем осуществление необходимых для успешной детенизации экономики институциональных изменений упрощается вследствие глобального тренда распространения сетевой экономики, становящегося отчетливым в последние десятилетия (Жаліло, 2016). Во-первых, внедрение современных сетевых технологий ощутимо снижает трансакционные издержки за пределами институциональной ловушки: растёт взаимное доверие, упрощаются контрольные, регулирующие и налоговые процедуры. Во-вторых, по мере роста институционального совершенства общества происходит усиление роли институциональных факторов в создании стоимости, что меняет сущность конкурентных преимуществ: вместо соревнования за получение ренты от ассиметричного распределения экономической власти над ресурсами экономические субъекты соревнуются за стоимость, создаваемую социальным капиталом, производительность которого растёт прямо пропорционально уровню доверия в обществе. Однако теневая экономическая деятельность как тип оппортунистического поведения априори не может быть основой для укрепления доверия.

Появление новых конкурентных преимуществ ведёт к появлению новых экономических элит, которые формируются не только на основе сетевой экономики и Промышленности 4.0, но и благодаря интеграции этих инновационных направлений в традиционные секторы экономики. И в то же время растёт число субъектов, получающих отрицательные экстерналии, находясь в теневом сегменте экономики. Это свидетельствует об исчерпании эффективности неформального "общественного договора", который некоторое время служил основой институциональной стабильности в рамках институциональной ловушки тенизации. Формируются объективные предпосылки, которые стимулируют согласованные действия по существенному снижению уровня тенизации экономики. Поэтому можем говорить о разблокировании институциональной ловушки тенизации и ослаблении толерантности общества к теневой экономике из-за нарастания "критической массы" субъектов, потенциально заинтересованных в её преодолении. Как образно отмечает В.Полтерович, "чем богаче институциональная фауна, тем больше возможностей для выхода из институциональных ловушек" (1999. С. 30).

Вместе с тем следует учитывать существование объективно обусловленных препятствий последовательному развитию процессов детенизации. Среди них:

- "коррупционная ловушка", которая заключается в том, что значительная часть получателей переходной ренты пока персонализирована в лице тех, кто напрямую влияет на государственную политику.

¹ Определение конкретных путей построения институтов структурной адаптации не является предметом данной статьи. Однако соответствующие разработки содержатся в других работах автора (Жаліло, Сменковский, 2001; Жаліло, 2008; Бережний, Жаліло, Покришка, 2013).

Поэтому они не заинтересованы в институциональных изменениях, необходимых для детенизации. Рекомендуемый выход – в деперсонализации институциональных изменений путём внедрения автоматических процедур с минимальной коррупционной ёмкостью;

- повышение нагрузки трансакционными издержками субъектов, которые полностью переходят в легальную сферу, что ухудшает их конкурентоспособность: прежде всего это актуально для субъектов, которые прибегли к тенизации как способу компенсации отсутствия структурной модернизации. Поэтому и выход из этого риска заключается в упрощении регуляторных и налоговых процедур и целенаправленном укреплении институтов структурной адаптации;

- укоренённость теневой занятости из-за распространённости патерналистской социальной политики: значительная доля лиц, осуществляющих теневую предпринимательскую деятельность или получающих нелегальную зарплату, не заинтересованы в "освещении" их деятельности из-за опасений потерять социальную помощь, коммунальную субсидию и т. п. Рекомендуемый выход – усиление контроля над реальными доходами и обоснованностью предоставления пособий;

- сохранение демонетизации экономики как источника институциональных дисфункций: монетарное обеспечение институционального расширения остаётся осложнённым в условиях жёсткой монетарной политики режима инфляционного таргетирования. Рекомендуемый выход – предоставление приоритетности институциональной модернизации денежно-кредитного сектора, которая будет влиять на структуру денежного предложения, смягчая монетарные ограничения: во-первых, путем повышения действенности политики регулятора, а следовательно – снижения уровня рестрикции, во-вторых, путем специализации каналов прироста денежного предложения;

- "реинкарнация" экспортоориентированной модели (пусть и с иными секторальными приоритетами) вследствие улучшения мировой экономической конъюнктуры: это создаёт возможность сохранения стабильности действующей экономической модели в среднесрочной перспективе, а значит – соблазн избежать институциональных изменений, которые имеют непопулярный характер или невыгодны апологетам "олигархической" модели. Рекомендуемый выход – содействие интернационализации малого и среднего бизнеса, которая способна разрушить "монополизацию" экспортной сферы олигархическими структурами и способствовать распространению международно признанных институциональных моделей легального ведения бизнеса.

Отметим, что прогресс в разрушении факторов тенизации и соответствующих действующих в Украине теневых сетей и иерархий не даёт стопроцентной гарантии перехода к модели экономической модернизации. В процессе преодоления ловушки тенизации могут возникать риски образования новых ловушек:

- неоолигархизации ("перезагрузка" олигархической модели с новыми акторами, принадлежащими к иным секторам экономики, прежде всего – владельцами агрохолдингов): поскольку олигархиче-

ская модель – не синоним тенизации, и детенизация – не тождественна деолигархизации. Поэтому ужесточение регуляторного и налогового контроля может вести к опережающему "размыванию" конкурентоспособности малого бизнеса и укреплению монополизации экономики немногочисленными олигархическими группами, что является контрпродуктивным для системной модернизации экономики;

- десуверенизации, через ускоренное внедрение формализованных "импортированных" институциональных норм, которые могут волюнтаристски вменяться из-за пределов национальной институциональной системы. Это, в частности, возможно под давлением императивных потребностей привлечения средств международных финансовых организаций и может вести к передаче определения модернизационных приоритетов под фактическое внешнее управление. Разновидность такого риска – "реприватизация" государства иностранным олигархатом (Киндзерский, 2016. С. 31), который становится проводником дальнейшего импорта институтов;

- сетевой "квазитенизации" в результате внедрения автономных и де-факто экстерриториальных видов деятельности типа сетевого бизнеса, аутсорсинга, оборота криптовалют и т.п., которые в случае чрезмерного упрощения регуляторной и налоговой систем будут выпадать из их охвата и де-факто будут попадать в "тень", что будет воспроизводить макроэкономическую ловушку институциональной незавершенности новых индустрий.

С нашей точки зрения, дальнейшие исследования институциональных аспектов процессов детенизации в Украине должны заключаться в выявлении путей институционального обеспечения структурной адаптивности национальной экономики в условиях быстрых изменений глобальной экономической среды и эволюции сетевой модели взаимоотношений в рамках национальной экономики.

Литература

- Бережний Я.В., Жаліло Я.А., Покришка Д.С. (2013). Політика реалізації національних проєктів: перспективи розвитку в Україні. *Економіка України*. № 10. С. 32–44.
- Варналій З.С. (2006). Тіньова економіка: сутність, особливості та шляхи легалізації. Київ: НІСД.
- Вашків О., Пода А. (2010). Підприємство як суб'єкт і об'єкт інституційної пастки. *Вісник ТНЕУ*. № 4. С. 98–110.
- Гальчинський А. (2001). Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу. Київ: Українські пропілеї.
- Ещенко П.С. (2017). Украинская "великая депрессия" и как из неё выйти? Киев: Дакор.
- Жаліло Я.А. (2008). Щодо шляхів позичкового фінансування державою інвестиційних проєктів. *Стратегічні пріоритети*. № 1. С. 66–73.
- Жаліло Я.А. (2016). Особливості реалізації економічної політики держави в умовах сучасних тенденцій суспільного розвитку. *Економічна теорія*. № 1. С. 39–52.
- Жаліло Я.А., Сменковський А.Ю. (2001). Стратегія реалізації інвестиційного потенціалу України. *Стратегічна панорама*. № 3–4. С. 69–75.
- Киндзерский Ю.В. (2016). Украина: олигархическая ловушка развития в контексте институциональных изменений. *Белорусский экономический журнал*. № 4. С. 17–36.

- Корецька С.О. (2011). "Тіньова" економіка: наслідки та методи подолання. *Інвестиції: практика та досвід*. № 20. С. 17–18.
- Лисенко Ю., Стрижак Г. (2014). Сучасна парадигма інституціональних пасток. *Економічна теорія*. № 4. С. 48–60.
- Мандибура В.О. (2017). Корупція: інституційна сутність та механізми подолання. Київ: Парламентське видавництво.
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экономической книги "Начала".
- Полтерович В. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? *Общественные науки и современность*. № 3. С. 5–16.
- Полтерович В.М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы. *Экономика и математические методы*. № 35. С. 2.
- Предборський В.А. (2005). Детінізація економіки у контексті трансформаційних процесів. Питання теорії та методології. Київ: Кондор.
- Сухарев О.С. (2014). Теория дисфункции институтов и экономических систем. *Журнал экономической теории*. № 1. С. 27–40.
- Фоміна М.В. (2014). Корупційно-тіньові відносини: політекономічний аспект. *Економічний нобелівський вісник*. № 1. С. 471–478.
- Burroni, L. & Crouch, C. (2008) The Territorial Governance of the Shadow Economy. *Environment and Planning C: Government and Policy*. № 1. P. 1–16. doi: <https://doi.org/10.1068/c0713p>
- Coase, R.H. (1988). The Firms, the Market and the Law. Chicago-London: The University of Chicago Press. .
- Evans, M., S. Syrett & C. C. Williams (2006). Informal Economic Activities and Deprived Neighbourhoods, London: Department of Communities and Local Government.
- Friedrich Schneider & Colin C. Williams (2013). The Shadow Economy. The Institute of Economic Affairs. London in association with Profile Books Ltd., 2013. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139542289>
- Gallin, D. (2001). 'Propositions on trade unions and informal employment in time of globalization', *Antipode*, № 19. P. 531–549. doi: <https://doi.org/10.1111/1467-8330.00197>
- Kerber W., Vanberg V. (1995). Competition among Institutions: Evolution within Constraints. *Competition among Institutions*. L., NY: Macmillan and St. Martin's Press. P. 35–64. doi: https://doi.org/10.1007/9781349242627_2
- Pejovich S. (1996). The Market for Institutions Versus the Strong Hand of the State: the Case of Eastern Europe. *Economic Institutions, Markets and Competition*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 111–126.

Поступление в редакцию 29.04.2018

THE SHADOW ECONOMY AS "INSTITUTIONAL TRAP"

Iaroslav Zhalilo

Author's affiliation : Doctor of Economics; Senior Researcher, Institute for Economics and Forecasting, National Academy of Sciences of Ukraine; Research Field: economic policy, economic strategy, institutional economy, reforms in transition economies.
E-mail: zhalilo@ief.org.ua

In the article, the institutional aspects of shadow economy in Ukraine emergence and development have been analyzed. The genesis of shadow economy has been shown: from one of the branches of institutionally pluralistic system – to a sustained "institutional trap". The author

proves that the definitive role in the formation of shadow economy in Ukraine of has been played by the emergence and distribution of transition rent, which emerges, when the transformation of the institutions of redistribution significantly leaves behind the construction of the institutions of structural mobility of the economy. The article shows systemic consequences of the spread of shadow economy in the macroeconomic sphere, which include low effectiveness of the policy of economic modernization and high risks of negative tradeoffs from standard instruments' usage. The phenomenon of large social groups' resistance to the reforms arises. The opportunistic behavior of agents erodes the benefits of a market model, while institutional failures distort the functions of agents in economic system, causing its general disfunctionality, and "freezing" its transitional state.

The author considers overcoming shadow economy in Ukraine a the way out of an "institutional trap", based on strengthening the institutional framework of structural adaptation of the economy, aimed to reduce the opportunities to obtain transition rent and to create the conditions for its conversion into fairly distributed legal factor income. The author argues that, based on the development of network economy, Industry 4.0 and their diffusion into traditional sectors of the economy, new economic elites emerge, motivated for transparent economic activities. At the same time increases the number of agents obtaining negative tradeoffs from being in the shadow segment of the economy. Hence, the institutional "lock-in" of shadow economy has been unlocked, and the "critical mass" of agents, motivated to overcome it, grows.

Key words: shadow economy, institutional trap, institutional competition, overcoming shadow economy, economic modernization.

JEL: E02, E70, O17, O43, P26, P37.

References

- Berezhnyi, Ya.V., Zhalilo, Ya.A., Pokryshka, D.S. (2013). The policy of national projects' realization: development perspectives in Ukraine. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 10, 32-44 [in Ukrainian].
- Burroni, L. & Crouch, C. (2008). The Territorial Governance of the Shadow Economy. *Environment and Planning C: Government and Policy*, 1, 1-16. doi: <https://doi.org/10.1068/c0713p>
- Coase, R.H. (1988). *The Firm, the Market and the Law*. Chicago-London: The University of Chicago Press.
- Yeshchenko, P.S. (2017). Ukrainian Great Depression and how to get out of it? Kyiv: Dakor [in Russian].
- Evans, M., Syrett, S., Williams, C. (2006). *Informal economic activities and deprived neighbourhoods*. London: Department of Communities and Local Government.
- Fomina, M.V. (2014). Corruption and shadow relations: the aspect of political economy. *Ekonomichnyi nobelivskiy visnyk – Nobel economic herald*, 1, 471-478 [in Ukrainian].
- Schneider, Friedrich & Williams, Colin C. (2013). *The Shadow Economy*. The Institute of Economic Affairs. London in association with Profile Books Ltd. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139542289>
- Gallin, D. (2001). Propositions on trade unions and informal employment in time of globalization, *Antipode*, 19, 531-549. doi: <https://doi.org/10.1111/1467-8330.00197>
- Halchynskyi, A. (2001). Contradictions of the reforms in the context of civilizational process. Kyiv: *Ukrainski propilei*, 143 [in Ukrainian].
- Kerber, W., Vanberg, V. (1995). *Competition among Institutions: Evolution within Constraints*. Competition among Institutions. L., NY: Macmillan and St. Martin's Press, 35-64. doi: https://doi.org/10.1007/9781349242627_2
- Koretska, S.O. (2011). Shadow economy: consequences and methods of overcoming. *Investytsii: praktyka ta dosvid – Investments: practice and experience*, 20, 17-18 [in Ukrainian].

- Kyndzerskiy, Yu.V. (2016). Ukraine: oligarchic trap of development in the context of institutional changes. *Belorusskiy ekonomicheskij zhurnal – Belarusian Economic Journal*, 4, 17-36 [in Russian].
- Lysenko, Yu., Stryzhak, H. (2014). Modern paradigm of institutional traps. *Ekon. teor. – Economic theory*, 4, 48-60 [in Ukrainian].
- Mandybura, V.O. (2017). Corruption: the institutional sence and overcoming mechanisms. Kyiv: Parlamentske vydavnytstvo [in Ukrainian].
- North, D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow, Fond ekonomicheskoy knigi Nachala [in Russian].
- Pejovich, S. (1996). The Market for Institutions Versus the Strong Hand of the State: the Case of Eastern Europe. *Economic Institutions, Markets and Competition*. Cheltenham: Edward Elgar, 111-126.
- Polterovych, V.M. (1999). Institutional traps and economic reforms. *Jekonomika i matematicheskie metody – Economics and the Mathematical Methods*, 35, 2 [in Russian].
- Polterovych, V. (2004). Institutional traps: is there the way out? *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social sciences and modernity*, 3, 5-16 [in Russian].
- Predborskiy, V.A. (2005). Overcoming of shadow economy in the context of transformational processes. The issues of theory and methodology. Kyiv: Kondor [in Ukrainian].
- Sukharev, O.S. (2014). The theory of dysfunction of institutions and economic systems. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii – Russian Journal of Economic Theory*, 1, 27-40 [in Russian].
- Varnalii, Z.S. (2006) Shadow economy: essence, specific features the ways of legalization. Kyiv: NISD [in Ukrainian].
- Vashkiv, O., Poda, A. (2010). Entrepreneurship as an subject and an object of an institutional trap. *Visnyk TNEU – TNEU Bulletin*, 4, 98-110 [in Ukrainian].
- Zhalilo, Ya.A. (2008). On the ways of debt financing of public investment projects. *Stratehichni priorityty – Strategic Priority*, 1, 66-73 [in Ukrainian].
- Zhalilo, Ya.A. (2016). Specific features of government economic policy realization in modern trends of social development. *Ekon. teor. – Economic theory*, 1, 39-52 [in Ukrainian].
- Zhalilo, Ya.A., Smenkovskiy, A.Iu. (2001). The strategy of realization of investment potential of Ukraine. *Stratehichna panorama – Strategic panorama*, 3-4, 69-75 [in Ukrainian].